

72207

30

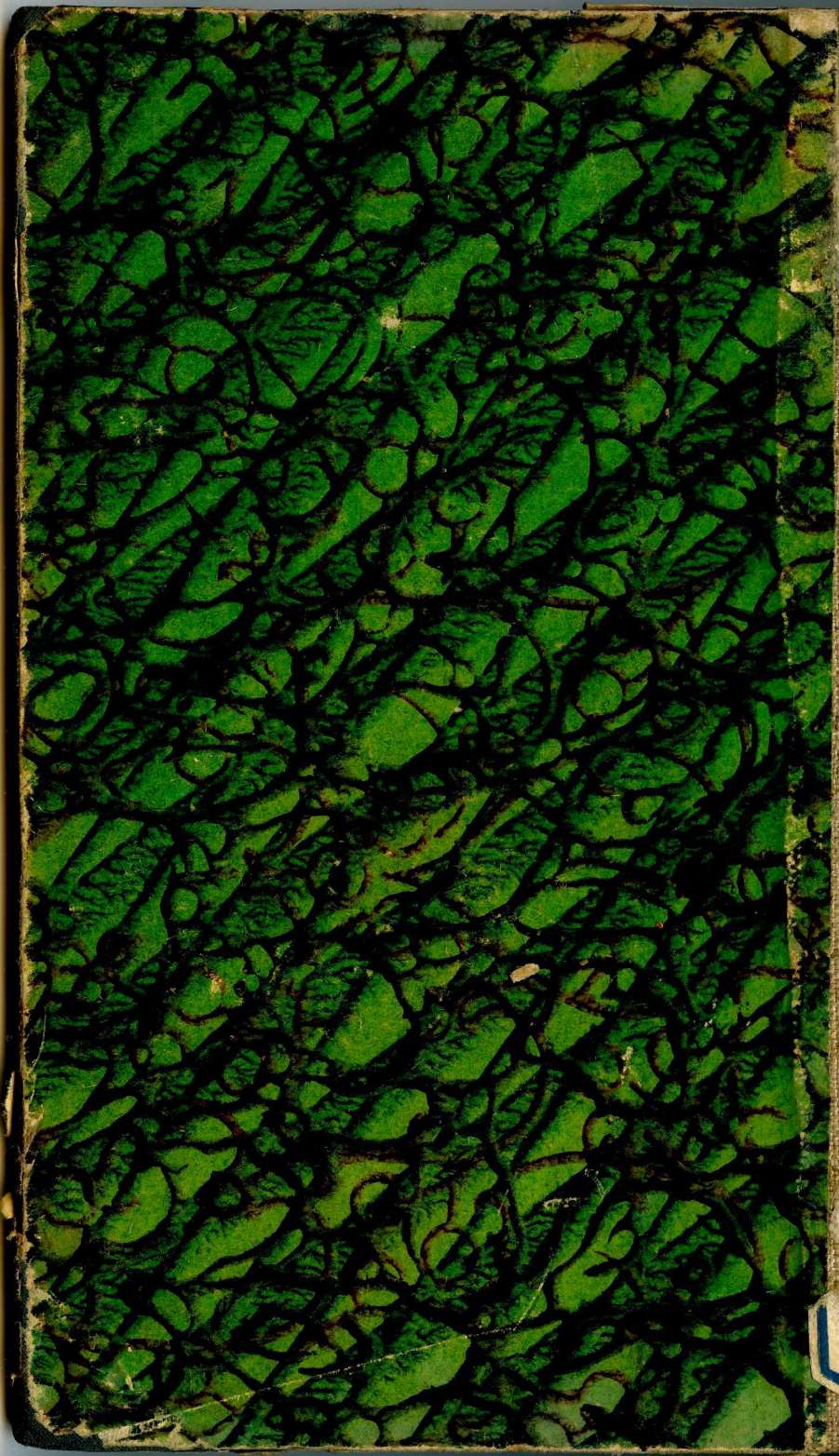
РК-1905

72261

Рогозин. А

Из психологии

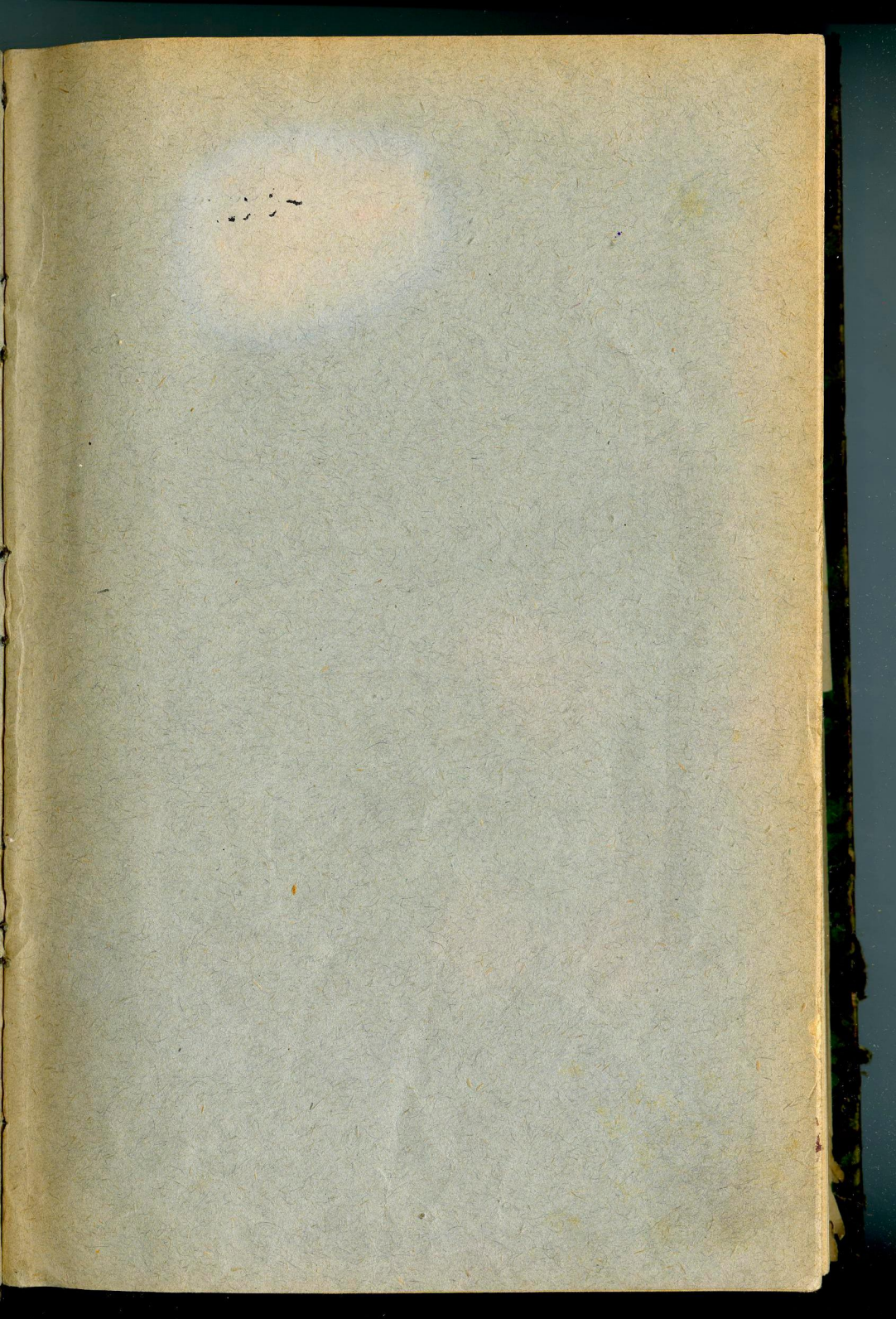
общества

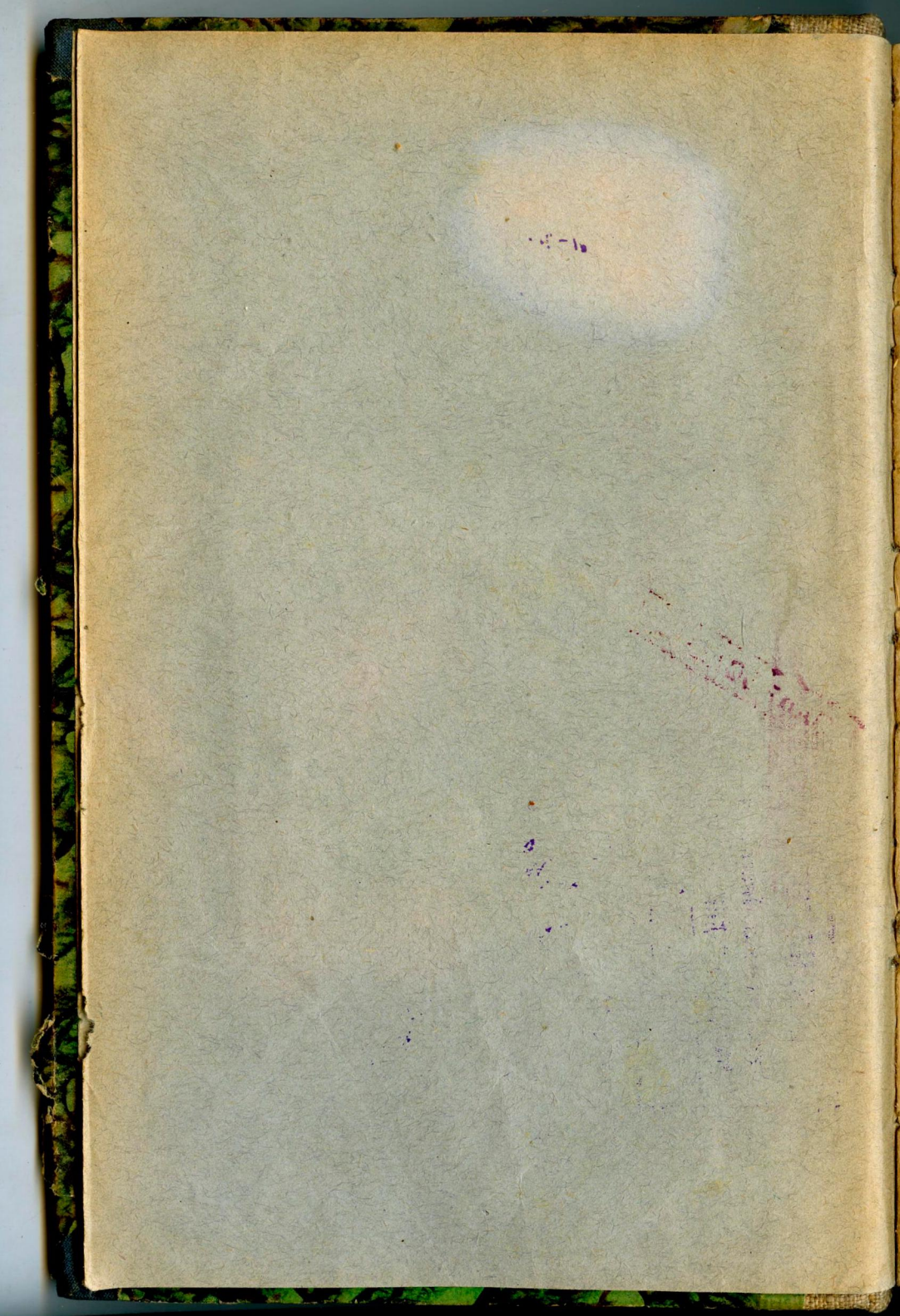

1306

Революция
в нашей организации

PK-1905
72262

А. Богдановъ.

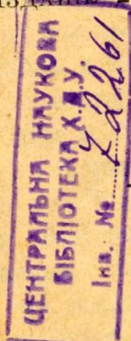
34

ИЗЪ ПСИХОЛОГІИ ОБЩЕСТВА.

ЗАКРЕСЛЕНО

ИЗДАНИЕ 2-ОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Электротечатня товарищества „Дѣло“. Фонтанка 96.

1906.

SP

V45-92

02

1933

1933
F-134

РЕП. ИСКУССТВ. И ОРНАМЕНТА

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

1933

Отъ автора.

(Предисловіе ко 2-му изданію).

Грозы и бури Великой Россійской Революціи временно, даже въ средѣ социаль-демократіи, оттѣснили на второй планъ вопросы теоріи. Между тѣмъ, именно теперь, происходящая съ небывалой быстротой демократизація знаній вообще, а особенно распространеніе въ массахъ марксистскихъ идей создаютъ настоящую и надежную опору для теоретическаго развитія социаль-демократіи въ нашей странѣ. И болѣе чѣмъ когда-либо такое развитіе становится необходимымъ: новизна и сложность политическихъ положеній и социальныхъ группировокъ, возникающихъ въ ходѣ этой наиболѣе грандіозной и своеобразной изъ извѣстныхъ намъ революцій, таковы, что только величайшая опредѣленность и отчетливость основныхъ точекъ зрѣнія можетъ гарантировать нашу молодую партію отъ программныхъ и тактическихъ ошибокъ, безконечно болѣе вредныхъ и опасныхъ въ эпоху революціи, чѣмъ въ мирное время. Чѣмъ шире и запутаннѣе практика, тѣмъ важнѣе роль освѣщающей и контролирующей ее теоріи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда вся Великая Революція была еще въ будущемъ, поразительно быстрый ростъ пролетарскаго движенія уже не для однихъ марксистовъ дѣлалъ очевиднымъ, что революція эта скоро придетъ, и что именно рабочій классъ будетъ ея передовой, ея организующей силой.

Тогда со стороны прогрессивныхъ буржуазныхъ группъ начались систематическія попытки захватить практически и идейно руководящее вліяніе на пролетаріатъ. Если бы это удалось, Великая Россійская Революція въ полной мѣрѣ повторила бы ту самую картину грубой политической эксплуатаціи пролетаріата либеральной буржуазіей, которая такъ характерна для западныхъ революцій XIX вѣка. Но нашей молодой социаль-демократіи удалось одну за другой разбить эти попытки,—она сумѣла покончить и съ экономизмомъ, принижавшимъ политически-классовое сознаніе пролетаріата, передававшимъ въ руки буржуазныхъ партій гегемонію въ политической борьбѣ, и съ «идеализмомъ», подрывавшимъ пролетарски-классовую теорію, подмѣнявшимъ великій классовый идеаль социальной демократіи жалкими буржуазно-этическими идолами. Все это помогло революціонному пролетаріату до сихъ поръ сохранить за собою руководящую позицію въ обще-народной борьбѣ.

Однако, и экономизмъ и «идеализмъ» были разбиты не сразу, — они имѣли эпоху относительнаго вліянія на широкіе слои не только той «интеллигенціи», которая тяготѣла къ социаль-демократіи, но даже передовыхъ пролетарскихъ элементовъ;—и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго съ точки зрѣнія послѣдовательности классоваго развитія въ социальной борьбѣ. Болѣе того: благодаря неодинаковому уровню развитія различныхъ слоевъ борющагося пролетаріата, и благодаря двойственной природѣ спеціально «интеллигентской» части его идеологовъ, въ средѣ самой социаль-демократіи еще долго будутъ сохраняться, хотя въ ослабленной и смягченной формѣ, тенденціи опортюнизма и эклектизма, такъ полно и ярко выразившіяся въ тѣхъ прошлыхъ попыткахъ. Возможны даже новые моменты временнаго торжества этихъ тенденцій, и наша борьба съ ними долго еще не можетъ прекратиться.

Мнѣ лично не пришлось принимать прямого участія въ борьбѣ противъ «экономизма»: во время его расцвѣта тюрьма и ссылка поставили меня слишкомъ далеко отъ практической работы. Но для борьбы съ теоретическимъ «идеализмомъ» то

и другое не составляло большого препятствія,—и она то была ближайшимъ поводомъ для появленія тѣхъ статей, изъ которыхъ составилаь эта работа.

Однако, главное ея содержаніе — не критика, не полемика съ «идеализмомъ».

Успѣхъ «идеализма» былъ особенно замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что идеологи этого теченія далеко не отличались крупнымъ калибромъ. То были частью,—какъ гг. Струве, Бугаковъ, Туганъ-Барановскій,—представители того филистерскаго типа научной специализаціи, который при обычныхъ условіяхъ органически противенъ идеологамъ пролетаріата, частью,—какъ г. Бердяевъ,—люди просто невѣжественные и легкомысленно относящіеся къ идейной работѣ. И я не могъ не прийти къ заключенію, что немалую долю ихъ успѣха слѣдовало прямо приписать той «теоретической беззаботности» большинства практиковъ социаль-демократовъ, противъ которой справедливо возставалъ всегда тов. Плехановъ. Вопросамъ общей теоріи люди, отдавшіеся практической работѣ, удѣляли большей частью такъ мало времени и вниманія, что не могли быстро разобраться въ схоластической болтовнѣ и гносеологическихъ цитатахъ гг. «идеалистовъ», клятвенно увѣрявшихъ, что они «тоже социаль-демократы», и только «подводить» подъ марксизмъ «философскій базисъ». Къ тому же у нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ имѣлись заслуги въ борьбѣ съ реакціонной стороною тогдашняго народничества, у другихъ заслугъ, правда, не было, но имѣлся тѣмъ большій апломбъ;—все это производило на неопытныхъ впечатлѣніе и увеличивало путаницу. То была наглядная иллюстрація пословицы: «кто палку взялъ, тотъ и капралъ».

Очевидно было, что непосредственная полемика съ «идеалистами» являлась наименѣе важной стороною задачи, вытекавшей для теоретика изъ данныхъ обстоятельствъ. А главное заключалось въ томъ, чтобы выяснить и популяризировать основные принципы, съ точки зрѣнія которыхъ легко было бы судить о жизненномъ смыслѣ любой, даже наиболѣе отвлечен-

ной идеологии. Только на этомъ пути можно было и на будущее время сколько-нибудь предотвратить «отвлеченно-теоретическія» уклоненія въ сторону чуждыхъ пролетаріату идеологій, уклоненія, пролагающія дорогу практической путаницѣ и тактикѣ опортюнизма.

Требовалось въ отчетливой формулировкѣ представить съ одной стороны реальное значеніе идеологии вообще, съ другой стороны—значеніе различныхъ *основныхъ идеологическихъ типовъ*; и эти идеологическіе типы надо было установить достаточно опредѣленно, чтобы подъ нихъ можно было безъ труда подводить то или иное конкретное идеологическое явленіе—ту или иную доктрину, теорію, религію и т. д. Такова была главная и *положительная* задача моей работы. Ей посвящена большая часть статей этого сборника.

Выясняя роль идеологическихъ формъ въ социальной жизни, какъ ея организующихъ приспособленій, я старался показать, насколько необходимымъ является соотношеніе этихъ формъ съ социальной практикой. Устанавливая историческіе типы идеологии, формы авторитарныя, социально-фетишистическія, синтетическія,—я констатировалъ ихъ связь съ опредѣленными общественными формациями и классами, съ ихъ развитіемъ и деградацией. При этомъ сами собой получаютъ устойчивые критеріи для оцѣнки жизненной прогрессивности или реакціонности—«истинности» или «ложности» отдѣльныхъ идеологическихъ формъ, вплоть до самыхъ отвлеченныхъ, въ родѣ философскихъ или религіозныхъ теорій.

Остальная, меньшая часть статей этой книги имѣетъ по преимуществу критическій и полемическій характеръ; онѣ направлены противъ «идеализма» и «критической» схоластики. Въ настоящее время гг. «идеалисты», какъ извѣстно, уже не беспокоятъ социаль-демократію своимъ сочувствіемъ: они разоблачены и нашли уже свое мѣсто,—большею частью, мирно пріютились на правомъ крылѣ либеральной партіи «кадетовъ». Но все-же я думаю, что выполненная критика ихъ идей еще и въ будущемъ можетъ не разъ пригодиться. Буржуаз-

ныя тенденціи различными путями и съ различныхъ сторонъ стремятся проникнуть въ пролетарскую идеологію, — но сами онѣ не особенно разнообразны формами, и сквозь небольшія варіаціи постоянно выступаютъ одни и тѣ же основные мотивы. Теперь на время теоретическіе мотивы этого рода отступили передъ практическими, — не слышно объ «идеализмѣ», зато «притупленіе противорѣчій» и «объединеніе всѣхъ классовъ противъ общаго врага» выступаютъ въ безчисленныхъ оттѣнкахъ и видахъ. Замедлится ходъ событій, станетъ жизнь менѣ бурной и тревожной — вмѣстѣ съ ростомъ интереса къ теоріи въ широкихъ кругахъ соціаль-демократіи, — вновь явятся на сцену «абсолютныя» настроенія, «идеалистическія» и «критическія» теоріи, вѣроятно, въ нѣсколько новыхъ оболочкахъ, но съ тѣмъ же существеннымъ содержаніемъ, — какъ идеологически-организующія формы для практики компромисса и «притупленія противорѣчій». И тогда будетъ полезно вспомнить, что все это уже было, и употребить въ дѣло старое, испытанное оружіе, наряду съ новыми пріемами, вытекающими изъ новыхъ условій...

Исходя изъ этихъ соображеній, я дополнилъ предлагаемое второе изданіе этой работы не только статьей «Революція и философія», сжато резюмирующей отношеніе самой «отвлеченной» идеологіи къ самой «конкретной» практикѣ, но и двумя маленькими критическими статьями («О пользѣ знанія» и «Философскій кошмаръ»), рисующими два своеобразныхъ вида идеологическаго вырожденія.

Да не потонетъ спокойный голосъ теоріи среди грознаго шума великой жизненной бури.

20 іюня 1906 г.

Въ полѣ зрѣнія.

...Es ändert sich die Zeit...

Въ старыя времена людямъ жилось лучше... То есть, собственно, не лучше, — конечно, не лучше, а... легче. И не въ томъ смыслѣ легче, чтобы меньше было труда и страданій — нѣтъ, всего этого было болѣе чѣмъ достаточно, — а думать людямъ не приходилось. За нихъ думали другіе; но и эти другіе, собственно, тоже не думали, потому что и за нихъ думали третьи, а за третьихъ, такимъ же образомъ, четвертые, и т. д. Казалось бы, что въ этой цѣпи «не-думанья» должны были на самомъ ея концѣ оказаться какіе-нибудь «думающіе»; но и этого не было. Дѣло въ томъ, что цѣпи конца не было. Цѣпь живыхъ людей въ своемъ цѣломъ соединялась съ цѣпью мертвыхъ, и за живыхъ думали мертвые; это называлось за-вѣтами предковъ. За мертвыхъ думали, совершенно также, еще болѣе мертвые, и здѣсь продолженіе цѣпи окончательно терялось во мракѣ временъ. Несомнѣнно, что творческая мысль человека существовала и въ этой цѣпи цѣпей — иначе жизнь давно прекратилась бы. Но мысль эта распредѣлялась по всей цѣпи такими безконечно-малыми дозами, которыя были неуловимы и, потому, неустойчивы для людей. Если же въ какомъ-нибудь мѣстѣ цѣпи творческая мысль проявлялась въ большемъ количествѣ — замѣтномъ и, слѣдовательно, утомительномъ — цѣпь судорожно скручивалась и въ порошокъ растирала проявленіе.

Затѣмъ она раскручивалась, и все шло по старому. Такъ это было, и это казалось хорошо.

Все было просто и ясно, и такъ опредѣленно, что могло легко уложиться въ рамки одной-двухъ формулъ. Въ философіи можно найти эти формулы въ самомъ чистомъ и законченномъ видѣ; онѣ были — *абсолютное и категорическій императивъ*. Абсолютнымъ опредѣлялось мышленіе, категорическимъ императивомъ—дѣйствія; то и другое не только въ важныхъ вещахъ, но и въ мелочахъ. Всякое выше лежащее звено цѣпи являлось абсолютномъ для всякаго ниже лежащаго, потому что было представителемъ всей остальной, бесконечно развертывающейся вверхъ и въ прошлое цѣпи. Это называлось властью, и всякое ея проявленіе разсматривалось, какъ выраженіе бесконечной воли, лежащей въ началѣ цѣпи. Всему абсолютному свойственно было повелѣвать, и повелѣвать категорически, т. е. не мотивируя и безъ всякихъ условій. Это понятно: если бы повелѣваніе не было самодовлѣющей категоріей, если бы оно допускало мотивировку или ограничительныя условія, надъ нимъ пришлось бы думать; а именно этого и не должно было быть.

Дѣло шло такъ. Отъ ближайшаго абсолюта человѣкъ получалъ точныя указанія — какъ жить, чему вѣрить, что дѣлать. Указанія были не мотивированы, а потому и неопровержимы, а потому не было и мысли объ ихъ критикѣ. Въ болѣе позднія времена бывало по нѣскольку абсолютовъ рядомъ,—это не мѣшало категоричности ихъ повелѣній, потому что роли ихъ были распредѣлены, и они не сталкивались между собою: одинъ указывалъ, что думать, чему вѣрить, какъ чувствовать — для одной области жизни, другой для другой, третій для третьей, и т. д. Они взаимно признавали другъ друга, потому что имѣли общую исходную точку въ абсолютахъ, стоящихъ выше, какъ тѣ — въ стоящихъ еще выше. Въ звеньяхъ цѣпи не думали, но каждое изъ нихъ располагало вполне достаточными данными, чтобы обойтись безъ этого: во 1-хъ, нѣкоторой суммой категорическихъ повелѣній отъ звеньевъ высшихъ, безъ

всякихъ, разумѣется, сомнѣній въ обязательности этихъ повелѣній; во-2-хъ, глубокимъ чувствомъ своей непогрѣшимости въ *своихъ* абсолютныхъ и категорическихъ повелѣніяхъ низшимъ звеньямъ, съ соответственной вѣрой въ непогрѣшимость высшихъ; въ-3-хъ, нѣкоторой стихійностью воли, порождавшей непосредственные и рѣшительные рефлексы тогда, когда являлась необходимость категорически повелѣвать, а обстоятельства не были предусмотрѣны и предугазаны свыше. Всего этого хватало на все запросы жизни — конечно, такой, которая не думаетъ. «Императивы» не всегда оказывались цѣлесообразными — случалось, что они имѣли въ результатѣ и голодъ, и моръ, и истребленіе; но это не колебало непогрѣшимости разныхъ звеньевъ, потому что она дополнялась несповѣдностью; возможность сомнѣнія замѣнялась формулой: значить, такъ надо было. Перерыва же цѣпи быть не могло, такъ какъ сила размноженія людей безгранична, и разрушенные экземпляры стереотипно замѣнялись новыми.

Понятно, что думать, дѣйствительно, не требовалось, и было дѣломъ ненормальнымъ; это было до того ясно всякому, что слово «задумываться» служило обозначеніемъ для психическаго расстройства.

Но жизнь росла, и цѣпь растягивалась. Наступило, наконецъ, время, когда она должна была порваться. Возникло нѣчто новое, это новое называлось — человѣческая личность.

Въ глубинѣ общественной жизни, тамъ, гдѣ она развѣтвляется своими корнями среди безконечной природы, происходила невидимая работа. Живыя клѣтки могучаго растенія набирались силъ и вырастали, и имъ становилось тѣсно, такъ какъ и стволъ и вѣтви были опутаны безчисленными оборотами цѣпи, каждое звено которой было — абсолютное. Живыя клѣтки тѣснили другъ друга и давили на звенья, встрѣчая и здѣсь и тамъ отвѣтное давленіе. Человѣкъ, рѣзко сталкиваясь съ другими людьми, начиналъ противопоставлять имъ себя, какъ единицу съ особыми, собственными интересами. Такъ зародилась личность. Боль сдавленной жизни и злоба стихійной борьбы

за просторъ были ея повивальными бабками. Ребенокъ былъ здоровъ и энергиченъ; у него было будущее.

Когда личность пыталась развернуться во весь свой ростъ, то звенья цѣпи жестоко врѣзывались въ ея тѣло, и происходило одно изъ двухъ: либо цѣпь ее душила, либо разрывалась. Первое было гораздо чаще, послѣднее—гораздо важнѣе по результатамъ. Задушенная личность либо умирала—какъ умерла бы нѣсколько позже,—либо превращалась въ стереотипный экземпляръ вида «человѣкъ», какими всѣ были раньше. Разорванную же цѣпь приходилось связывать, что дѣлало ее еще короче, а ея давленіе—еще больше; она должна была растягиваться еще сильнѣе, чѣмъ прежде, и вмѣсто одного связаннаго мѣста разрывалась уже въ нѣсколькихъ новыхъ. Такъ дѣло шло и дальше.

Удержать прошлое не было никакой возможности. На каждомъ шагу происходило одно и то же: тотъ или другой изъ безчисленныхъ представителей абсолютнаго, выполняя свое естественное назначеніе, предъявлялъ жизни категорическій императивъ; и что же получилось? Ничто неслыханное, невѣроятное: вопросъ «почему?», требованіе мотивировки. Представитель абсолютнаго не могъ даже понять этого; недоумѣніе переходило въ озлобленіе, начиналась борьба. Она оканчивалась иногда такъ, иногда иначе, но дѣло было сдѣлано. Несомнѣнное переставало быть несомнѣннымъ, разъ высказано сомнѣніе; абсолютное уже не было абсолютнымъ, разъ о немъ могъ быть поставленъ вопросъ; категорическій императивъ терялъ категорическую природу, разъ его осуществленіе становилось въ зависимость отъ опредѣленнаго условія — хватитъ ли силы, чтобы заставить. *Это* было уже непоправимо.

Итакъ, принципъ личности долженъ былъ побѣдить, потому что за него была стихійность общественнаго развитія, потому что самъ онъ былъ органическимъ выраженіемъ растущихъ матеріальныхъ силъ общества. Но побѣдить, разрушить препятствія на своемъ пути—это еще не значитъ сдѣлать все. Принципъ личности зародился изъ борьбы человѣка противъ людей,

изъ жизненныхъ противорѣчій общества, онъ воплотилъ въ себя творческую силу этой борьбы, этихъ противорѣчій — но ихъ творческая сила ограничена. Противопологая себя въ борьбѣ другимъ людямъ, личность выступала раньше противъ безличнаго стереотипнаго человѣка; тутъ она себя не противопоставляла. Но вотъ она побѣждаетъ, и что же оказывается? Теперь вмѣсто стереотипной безличности передъ ней другая личность, *ей* она противопоставляется, *съ нею* ведетъ борьбу. Это уже настоящее противорѣчье, и въ немъ принципъ личности находитъ границу своему творчеству. Каждая личность представляетъ собою элементъ растущей жизни общества, его могущества, побѣждающаго природу, — и вотъ всѣ элементы ведутъ борьбу между собою, растущая жизнь идетъ сама противъ себя, сама себя останавливаетъ въ своемъ прогрессивномъ движеніи.

Нуженъ новый принципъ, новая форма, въ которой исчезло бы коренное противорѣчье, и силы, зарождающіяся въ глубинѣ, не растрчивали бы сами себя въ бесплодной борьбѣ на поверхности. Эта новая форма — сліяніе личныхъ жизней въ одно грандіозное цѣлое, гармоничное въ отношеніяхъ своихъ частей, стройно группирующее всѣ элементы для одной общей борьбы — для борьбы съ безконечной стихійностью природы. Такая форма неизмѣримо сложнѣе и цѣпи стереотипно повторяющихся звеньевъ, и анархическаго потока рѣзко сталкивающихся атомовъ. Требуется громадная масса творческой дѣятельности, стихійной и сознательной, чтобы разрѣшить эту задачу. Она по силамъ не человѣку, а только человечеству; — и только работая надъ нею, оно впервые становится человечествомъ. Эта глава исторіи начата давно, но никто не знаетъ въ точности, какъ далеко или близко ея завершеніе.

Общественная жизнь людей не такъ ровна, послѣдовательна и однообразна, какъ отвлеченное изображеніе смѣняющихся ея типовъ. Ея поле, на которомъ выступаетъ столько ростковъ будущаго, въ то же время загромождено обломками прошлаго. Еще *личность* не закончила свою творчески разрушительную работу, еще повсюду она опутана обрывками старой цѣпи. И

она уже не въ силахъ *сама* довершить свое дѣло, *сама* сорвать и бросить послѣдніе изъ этихъ обрывковъ.

Тѣ классы, вся сила которыхъ создана стихійно-атомистической борьбою челоѣка противъ людей, не могутъ ради вышшаго идеала отказаться отъ принципа этой борьбы—отъ принципа личности съ ея частными интересами и эгоистическими стремленіями: это значило бы отказаться отъ самихъ себя, перестать быть самими собою. А новые классы уже выступаютъ съ такимъ требованіемъ, и предъявляютъ его съ возрастающей энергіей. Они хотятъ уничтожить стихійныя столкновенія общественныхъ атомовъ, хотятъ сдѣлать такъ, чтобы всѣ атомы гармонично двигались къ общей цѣли, чтобы они стали элементами стройнаго цѣлаго. Старымъ атомамъ это не нравится; они боятся утратить просторъ привычныхъ движеній: по природѣ своей они не въ состояніи понять того, что могутъ выиграть отъ полнаго участія въ безграничномъ и мощномъ движеніи цѣлаго,—вѣдь этого у нихъ еще нѣтъ и никогда не было; а что они потеряютъ, для нихъ понятно, это то, что у нихъ уже есть; и имъ кажется, что новая связь жизни хуже старыхъ цѣпей.

Тогда атомистическіе классы — средніе, промежуточные классы нашего общества — приходятъ къ перемѣнѣ фронта. Чтобы найти опору противъ потока времени, они не прочь уцѣпиться за иные уцѣлѣвшіе обрывки старой цѣпи. Конечно, тѣ ближайшія звенья, которыя врѣзаются въ ихъ тѣло, имъ попрежнему ненавистны, и они попрежнему готовы протестовать противъ нихъ; но они уже размышляютъ о томъ, какъ создать новую цѣпь, болѣе удобную, но достаточную для обузданія нарождающейся новой жизни. Памятуя о прочности прежней цѣпи, они уже находятъ полезнымъ прикрѣпить свою новую къ ея остаткамъ—не къ тѣмъ, которые сжимаютъ еще ихъ самихъ, а къ тѣмъ, которые лежатъ отъ нихъ подальше, всего лучше — къ тѣмъ, которые уходятъ совсѣмъ далеко въ безконечность, такъ что не угрожаютъ новыми опасностями. Такъ совершается возвращеніе къ идоламъ.

Эта картина разворачивается на наших глазах. Новые идолопоклонники начинают съ того, что ставят надъ жизнью рядъ большихъ туманныхъ абсолютовъ, и объясняютъ, что это—цѣли жизни, и что въ нихъ заключается смыслъ всякаго атомнаго движенія. Къ этимъ абсолютамъ они привязываютъ конецъ своей новой цѣпи, сдѣланной, впрочемъ, изъ довольно стараго матеріала, называемаго «долгомъ». Затѣмъ они развертываютъ эту цѣпь и показываютъ всѣмъ зрителямъ, что двигаться на ней вполне удобно, такъ какъ она безконечна. Затѣмъ они начинаютъ обматывать этой цѣпью человѣческую натуру, предоставляя абсолютамъ тянуть за другой ея конецъ. Но такъ какъ и цѣпь и абсолюты создаются ими же самими, то понятно, что изъ этого получается: абсолюты тянуть въ такомъ направленіи, чтобы оторвать личность отъ старыхъ цѣпей, жесткихъ и неудобныхъ, а обмотка располагается такимъ образомъ, чтобы какъ можно прочнѣе отграничить каждого чело-вѣка отъ остальныхъ во всѣхъ лучшихъ его переживаніяхъ, чтобы какъ можно вѣрнѣе устранить самую мысль объ его жизненномъ сліяніи съ ними. Такъ борьба за индивидуализмъ ведется на два фронта—противъ врага справа и противъ врага слѣва.

Все это немногаго стоитъ, и въ великой борьбѣ обществен-ныхъ силъ имѣетъ самое преходящее значеніе. Только тамъ, гдѣ общество еще все переполнено остатками и воспо-минаніями эпохи абсолютнаго, только тамъ, гдѣ оно, по привычкѣ, мыслить новое содержаніе въ старыхъ формахъ, только тамъ игра съ абсолютами реально выгодна для атомистическихъ классовъ, тамъ она облегчаетъ переходъ отъ старыхъ формъ жизни къ новымъ, и замедляетъ развитіе новѣйшихъ. На дальнѣйшихъ стадіяхъ общественная борьба обнажается отъ туманныхъ оболочекъ, и атомистическіе классы, получивши реальное господство, отдѣлавшись отъ врага справа, не пытаются больше красивыми фразами убаюкать врага слѣва: съ благородной откровенностью, не лишенной цинизма и наглости, они тогда говорятъ ему: мы *beati possidentes* и душимъ тебя, потому что намъ это выгодно, и сила въ нашихъ рукахъ.

Это время у насъ еще не настало, и пока что, на нашихъ глазахъ разыгрывается цѣлая сатурналія, въ которой вчерашніе рабы, сознавшіе себя автономными атомами, съ увлеченіемъ кружатся въ метафизико-мистическихъ танцахъ съ тѣнями прошлаго, не замѣчая въ праздничномъ упоеніи болѣе чѣмъ почтеннаго возраста своихъ дамъ. Кто не хочетъ принимать участія въ сатурналіи, того упрекаютъ въ холодности и сухости, въ прозаичности и грубости стремленій; а кто пытается указать на поддѣльность красокъ, покрывающихъ ланиты почтенныхъ дамъ, тѣхъ обвиняютъ въ ненависти къ яркимъ краскамъ жизни, въ желаніи раскрасить весь міръ однообразнымъ сѣрымъ цвѣтомъ. Все это дѣлается безъ всякаго лицемерія; пылкіе рыцари архаическихъ дамъ искренно убѣждены, что сами они безконечно выше прозаическихъ интересовъ и классовыхъ вождѣлній. Они слыхали, конечно, что были люди, которые учили всѣхъ объективно относиться къ своимъ и чужимъ мыслямъ и фразамъ, учили отыскивать скрывающіяся за ними практическія, жизненные стремленія, учили задавать вопросъ: «кому полезно?» — для раскрытія безсознательной подкладки работы сознанія. Но рыцарямъ раскрашенныхъ призраковъ нѣтъ дѣла до этого грубаго ученія; они не зададутъ себѣ пошлаго вопроса: «кому полезно?», потому что даже интересы человѣчества для нихъ еще слишкомъ узки и мелки; только абсолютные идеалы имѣютъ для нихъ цѣнность, и если ихъ выводы прежде всего выгодны ихъ собственнымъ классамъ, то это не ихъ дѣло, — такова, значитъ, воля абсолютнаго, избравшаго ихъ пророками. И они продолжаютъ пророчествовать.

Но нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ; и рыцари тѣней находятъ не мало противниковъ даже среди людей *своихъ* классовъ и стремленій. Это тѣ, кто по натурѣ суровѣе и послѣдовательнѣе, кто слишкомъ ненавидитъ прошлое, чтобы питать симпатію даже къ его невиннымъ туманнымъ отраженіямъ, — кто полнѣе чувствуетъ возрастающую силу реальной жизни и, полагаясь на нее, нигдѣ, кромѣ нея, не хочетъ искать опоры; наконецъ, тѣ, кто больше заботится объ оконча-

тельной побѣдѣ надъ прошлымъ, чѣмъ о предупрежденіи не-симпатичнаго будущаго. Но такихъ становится все меньше; и не они смѣняютъ нынѣшнихъ героевъ дня.

Раздаются новые голоса, спокойные и увѣренные, проникнутые самодовольствомъ и духомъ золотой середины. Они говорятъ, что проясненіе идей вещь не важная, и борьба противъ тумановъ абсолютнаго — излишняя. Они совѣтуютъ считаться только съ практическими выводами жрецовъ абсолютнаго, и находятъ эти выводы практически полезными. Засореніе головъ обломками прошлаго кажется имъ сущими пустяками; они правы со своей точки зрѣнія, потому что никогда еще вѣра въ призраки абсолютнаго ни на одинъ процентъ не уменьшила норму прибавочной стоимости, а нерѣдко даже облегчала ея сохраненіе и возрастаніе. Эти почтенные люди злѣе всѣхъ издѣваются надъ тѣми, кого берутъ подъ свою защиту, беспощаднѣе всѣхъ разоблачаютъ истинный смыслъ ихъ дѣятельности, сочувственно обесуждая практическую цѣну «абсолютныхъ» цѣнностей, серьезно указывая реальные выгоды «идеальнаго». На сцену выступаетъ дѣловое настроеніе, которое ничего не имѣетъ противъ возвышенныхъ тумановъ, и тѣмъ не менѣе всего вѣрнѣе кончаетъ съ ними, дѣлая ихъ безнадежно-смѣшными. Люди такого настроенія—герои завтрашняго дня.

Къ счастью, не на нихъ дѣло кончится. Заглушенные голоса раздаются все громче...

Примѣчаніе 1906 г. Тотъ «день», о которомъ здѣсь говорилось, наступилъ... Люди «золотой середины» образуютъ дѣйствительное ядро нашей либеральной партіи, — «дѣловые» кадетскіе элементы, главнымъ образомъ — земско-помѣщичьяго происхожденія. Время же разговоровъ объ «идеализмѣ» даже прошло, — хотя впоследствии, при измѣнившейся обстановкѣ, разговоры эти, несомнѣнно, возобновятся. — «Заглушенные голоса» борющагося народа не удастся больше заглушать — уже дважды они покрывали собою ревъ всѣхъ старыхъ авторитетовъ, а въ третій разъ...

Что такое идеализмъ.

...Догматизмъ необходимо имѣть готовое абсолютное, впередъ не идущее, и удерживаемое въ односторонности какого-нибудь логическаго опредѣленія; онъ удовлетворяется своимъ достояніемъ, онъ не увлекаетъ своихъ началъ въ движеніе, напротивъ, это неподвижный центръ, около котораго онъ ходитъ по цѣпи.

А. Искандеръ. (Изъ писемъ объ изученіи природы).

I.

Уже давно была высказана мысль, что безъ спора признаются только тѣ истины, которыя не задѣваютъ ничьихъ интересовъ. Если бы положеніе «дважды два—четыре» приводило къ практическимъ неудобствамъ для нѣкоторой части человечества, то оно, можетъ быть, до сихъ поръ не стало бы общепринятымъ. И не разъ случалось, что истина, успѣвшая, повидимому, занять прочное положеніе къ системѣ научнаго познанія, подвергалась новымъ нападкамъ и бывала принуждена вести новую борьбу за существованіе, когда изъ этой истины дѣлались и проводились въ жизнь практическіе выводы, не желательные съ точки зрѣнія интересовъ и стремленій какихъ-либо общественныхъ группъ. Типическимъ примѣромъ такихъ «рецидивовъ невѣжества» могутъ служить походы вульгарныхъ экономистовъ противъ науки экономистовъ классиковъ, походы, не прекратившіеся до нашего времени.

Эта зависимость познания отъ практическихъ интересовъ и стремленій той или иной группы общества отнюдь не должна сводиться къ простой низости человѣческой природы, къ сознательному предпочтенію выгодной лжи — невыгодной истинѣ. Нѣтъ, хотя и случается иногда, что люди сознательно предають истину ради мелкихъ разсчетовъ, но это, несомнѣнно, не общее правило, а только исключеніе. Обыкновенно, интересы людей управляютъ ихъ мышленіемъ совершенно незамѣтно для нихъ самихъ; люди сами не сознають, какъ въ ихъ психикѣ непрерывно совершается «подборъ» представленій и идей въ опредѣленную сторону, именно въ сторону наибольшей гармоніи съ практическими стремленіями. Работа мысли идетъ «по линіи наименьшаго сопротивленія».

Кромѣ того, надо принять во вниманіе, что различны бываютъ не только интересы людей, но и весь ихъ жизненный опытъ. Дробленіе общества на безчисленныя группы, различающіяся по ихъ общественной роли въ процессѣ труда и распредѣленія, приводитъ не только къ столкновенію интересовъ различныхъ группъ, къ противорѣчію ихъ стремленій, но также — къ неоднородности того матеріала, надъ которымъ оперируетъ групповое мышленіе. Находясь въ неодинаковыхъ жизненныхъ условіяхъ, люди различнаго источника почерпають ту сумму воспріятій, которая составляетъ основу ихъ опыта. Благодаря этому, содержаніе понятій, обозначаемыхъ одними и тѣми же словами, оказывается въ большей или меньшей степени различнымъ, а въ зависимости отъ него — и весь ходъ мышленія, приводящаго понятія въ связь и систему.

Все это вполне примѣнимо и къ тому циклу неразрывно связанныхъ между собой идей, который обозначается словами «идеализмъ», «идеалы», «прогрессъ»... Эти понятія имѣють громадное значеніе: они касаются самыхъ существенныхъ интересовъ личности, группы, общества, они резюмируютъ въ себѣ самые важные моменты человѣческаго опыта. Стало быть, вполне естественно, что понятія эти относятся къ числу особенно спорныхъ, возбуждаютъ особенно много идеологическихъ

разнообразій и противорѣчій. Для буржуазнаго мыслителя представляется регрессомъ именно то, въ чемъ его идеологическій противникъ видитъ наиболѣе прогрессивное явленіе; у рентье-ра идеаль челоѣческой жизни діаметрально противоположенъ тому, который складывается въ психикѣ производителя; утонченный эстетъ называетъ идеализмомъ совсѣмъ не то, что грубый идеологъ классовой борьбы. А между такими крайностями можно найти безконечное множество переходовъ, оттѣнковъ, комбинацій...

Слѣдуетъ ли остановиться на этомъ разнообразіи, на этихъ противорѣчіяхъ, признать этотъ личный и групповый субъективизмъ неизбѣжнымъ для всякаго челоѣческаго мышленія и безропотно ему подчиниться? Или и для даннаго цикла идей возможно установить «объективную истину»? Отвѣтъ должно дать научное познаніе.

Наука въ своемъ развитіи, стремится выражать жизненный опытъ всего челоѣчества, а не отдѣльной группы. Поэтому она должна подняться надъ односторонностью и противорѣчіями частныхъ взглядовъ, личныхъ и групповыхъ, и поставить на ихъ мѣсто объединяющія идеи, съ точки зрѣнія которыхъ было бы возможно и объяснить эти частные взгляды, и дать имъ объективную оцѣнку. Такова задача научнаго изслѣдованія.

Что касается до пути изслѣдованія, то онъ долженъ быть тотъ же, по которому всегда идетъ научное познаніе. Сначала простое описаніе фактовъ, т. е. въ данномъ случаѣ эмпирическое выясненіе вопроса, что именно и при какихъ условіяхъ люди называютъ идеализмомъ, идеалами, прогрессомъ. Затѣмъ, исходящее изъ этого описанія «объясненіе», другими словами—объединяющая и упрощающая группировка тѣхъ же фактовъ на основѣ установившихся научныхъ воззрѣній. Если такому процессу обработки опыта удастся схватить все типичное, повторяющееся въ явленіяхъ, безъ противорѣчій и сколько-нибудь важныхъ пробѣловъ, то цѣльна учнаго познанія достигнута.

А если бы попытка не удалась? Если бы описаніе принуждено было опустить руки передъ крайней сложностью и разнообразіемъ фактовъ, и объясненіе запуталось бы въ безысходныхъ противорѣчіяхъ? Тогда за желающими можно было бы признать нѣкоторое право дать полную волю своему воображенію и искать для себя объясненія загадочныхъ фактовъ за предѣлами всякаго возможнаго опыта и всякаго научнаго познанія. Но и тогда, разумѣется, этимъ правомъ не воспользовались бы люди наиболѣе строгаго склада мышленія, люди критики по преимуществу: они предпочли бы отъ развитія науки ждать разъясненія нерѣшенныхъ вопросовъ.

II.

Мы начнемъ свой анализъ съ идеи «прогресса».

Понятіе это примѣняется въ самыхъ различныхъ областяхъ жизненныхъ явленій. Простѣйшій случай представляетъ его примѣненіе къ собственно біологическимъ фактамъ—къ жизни животныхъ и растений.

Въ жизни организма стадіей прогресса, или прогрессивнаго развитія, люди называютъ весь тотъ періодъ, когда организмъ, переходя отъ эмбріональнаго состоянія къ зрѣлости, шагъ за шагомъ увеличиваетъ энергію и разнообразіе своихъ жизненныхъ функций. Наоборотъ, процессъ перехода отъ зрѣлости къ старости и смерти, отъ наибольшей полноты жизнедѣятельности къ ея пониженной степени и къ ея прекращенію, обозначается словомъ «регрессъ», «деградация». Въ исторіи видовъ развитіе многоклеточныхъ формъ изъ одноклеточныхъ, сложныхъ изъ простыхъ, формъ съ интенсивной и разносторонней жизнедѣятельностью изъ такихъ, въ которыхъ жизненные процессы слабы и недифференцированы, признается за прогрессивное развитіе. Наоборотъ, если изъ формъ свободно живущихъ, съ развитыми органами чувствъ и движенія, вырабатываются формы паразитическія, у которыхъ органы чувствъ и движенія за ненужностью атрофированы, и почти вся жизнь све-

дена къ непосредственному питанію и размноженію, то подобное превращеніе характеризуется, какъ «регрессивное развитіе».

Всѣ подобные факты легко резюмировать въ одномъ обобщеніи: біологически, *процессомъ называется возрастаніе суммы жизни*, какъ со стороны ея интенсивности, такъ и со стороны разнообразія ея проявленій; а всякое пониженіе суммы обозначается, какъ регрессъ.

Но достаточно ли такое, чисте біологическое опредѣленіе тамъ, гдѣ дѣло идетъ о человѣческой психикѣ, о жизни сознанія? Это надо изслѣдовать. И прежде всего, здѣсь намъ бросится въ глаза тотъ фактъ, что люди далеко не всегда согласно высказываются о прогрессѣ или регрессѣ психической жизни.

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ разногласій, впрочемъ, не бываетъ. Если человѣкъ расширяетъ свою дѣятельность, накопляетъ опытъ, увеличиваетъ свои знанія,—вообще, всюду, гдѣ непосредственно наблюдается количественное возрастаніе жизни сознанія, люди единодушно примѣняютъ характеристику «прогрессъ». Точно также безъ спора признаются прогрессивными и такія измѣненія въ психикѣ, при которыхъ удаляются или устраняются ея внутреннія противорѣчія, возрастаетъ ея единство и гармонія, напр., когда нестройная масса разнородныхъ, бдзпорядочно разбросанныхъ свѣдѣній укладывается въ научную систему, или когда нерѣшительный, колеблющійся образъ дѣйствій смѣняется опредѣленнымъ и увѣреннымъ. Вообще, тамъ, гдѣ все сводится къ *возрастанію полноты и гармоніи жизни сознанія*, люди вполне согласно употребляютъ терминъ «прогрессъ».

Разногласія выступаютъ на сцену въ тѣхъ случаяхъ, когда проявленія психической жизни разсматриваются людьми со стороны ихъ «качества», какъ низшія и высшія. Каждый, конечно, признаетъ, что переходъ отъ низшаго къ высшему есть прогрессъ, и измѣненіе въ обратномъ направленіи—регрессъ; но какую именно сторону психической жизни считать «высшею», какую—«нижею», въ этомъ очень мало единодушія.

Пусть, напр., артистъ, жившій до сихъ поръ, главнымъ образомъ, въ мірѣ искусства, начинаетъ изучать науки, и ради жизни познанія жертвуетъ жизнью эстетическихъ ощущений и художественнаго творчества. Не подлежитъ сомнѣнію, что люди чистаго познанія усмотрятъ въ такомъ переходѣ прогрессивное явленіе, а люди чистаго искусства скажутъ, что это—весьма печальная деградация. Пусть ученый или философъ начинаетъ измѣнять чистой теоріи ради практической дѣятельности, его товарищи на новомъ поприщѣ увидятъ въ этомъ прогрессъ, переходъ къ высшимъ проявленіямъ жизни, а прежніе товарищи—регрессъ, пониженіе качества жизни.

Ясно, что всѣ такія сужденія вытекаютъ изъ нѣкоторой односторонности развитія. Если человѣкъ живетъ преимущественно въ мірѣ искусства, если въ сферѣ эстетическихъ воспріятій черпаетъ онъ наибольшую сумму жизни, то именно эту сторону психики онъ склоненъ считать высшею. Если въ познавательной дѣятельности достигаетъ онъ наибольшей полноты и гармоніи существованія, то именно познаніе кажется ему высшимъ проявленіемъ жизни... Субъективизмъ и разногласія вытекаютъ здѣсь, въ сущности, изъ того факта, что человѣкъ переноситъ на чужую жизнь результаты своего узкаго, односторонняго опыта, и не можетъ себя представить, чтобы удавалось достигать наиболѣе полнаго и гармоничнаго развитія жизни на иномъ пути, чѣмъ ему самому. Очевидно, что, несмотря на противорѣчія своихъ взглядовъ, люди здѣсь безсознательно исходятъ изъ одной и той же точки зрѣнія: «прогрессъ» или «высшее» они видятъ въ томъ, что для нихъ субъективно связывается съ максимальной гармоніей и полнотой жизни.

Мы приходимъ къ такому выводу: и тамъ, гдѣ люди сходятся въ своихъ высказываніяхъ относительно прогресса, и тамъ, гдѣ они расходятся, основной смыслъ идеи прогресса остается одинъ и тотъ же: *возрастающая полнота и гармонія жизни сознанія*. Таково объективное содержаніе понятія «прогрессъ». Что же касается до субъективизма, выступающаго въ сужденіяхъ отдѣльныхъ людей съ ихъ взаимными

противорѣчіями, то онѣ возникаетъ вслѣдствіе узости личнаго и групповаго опыта; эта узость приводитъ къ односторонней и противорѣчивой оцѣнкѣ явленій психической жизни, хотя принципъ оцѣнки, сознательно или безсознательно, примѣняется чуждый всякихъ противорѣчій и вполне «объективный», т. е. одинъ и тотъ же для всѣхъ.

Если теперь мы сравнимъ полученное нами психологическое выраженіе идеи прогресса съ выясненнымъ раньше біологическимъ, то мы легко убѣдимся, что первое вполне совпадаетъ со вторымъ, и можетъ быть изъ него выведено. Сумма жизни возрастаетъ и тогда, когда увеличивается полнота жизни, и тогда, когда жизнь становится гармоничнѣе. Первое понятно само собою; второе, можетъ быть, слѣдуетъ пояснить. Возрастаніе гармоніи жизненнаго процесса означаетъ ослабленіе его внутреннихъ противорѣчій; означаетъ уменьшеніе взаимной неприспособленности его элементовъ, благодаря которой они въ той или иной степени разрушительно вліяютъ другъ на друга; очевидно, что взаимное разрушеніе элементовъ, хотя бы и частичное, уменьшаетъ сумму жизни, а его устраненіе увеличиваетъ ее.

Такъ какъ жизнь социальная сводится къ психической жизни членовъ общества, то и здѣсь содержаніе идеи прогресса остается все то же — возрастаніе полноты и гармоніи жизни; только надо прибавить — *соціальной* жизни людей. И конечно, иного содержанія идея социальнаго прогресса никогда не имѣла и не можетъ имѣть.

III.

Въ тѣсной связи съ идеей общественнаго прогресса находится понятіе «идеализма». Чтобы выяснить истинный характеръ и значеніе этой связи, изслѣдуемъ, что именно подразумеваютъ люди, когда употребляютъ слово «идеализмъ».

Характеристика «идеализмъ» примѣняется не только къ *активной сознательной жизни*, но къ самымъ различнымъ ея проявленіямъ. Люди говорятъ объ «идеалистическихъ чувствахъ», «объ идеалистическомъ отношеніи» къ познанію, «объ идеализмѣ

10267

практической дѣятельности». Возьмемъ рядъ конкретныхъ примѣровъ.

Къ вамъ приходитъ знакомый и начинать жаловаться на постигшія его несчастія. Разсказъ его вызываетъ въ васъ различные эмоціи: сначала выступаютъ на сцену скука и раздраженіе по поводу неинтереснаго повѣствованія, отнимающаго у васъ время, затѣмъ—состраданіе къ измученному человѣку. Это послѣднее чувство, по сравненію съ предыдущимъ, мы склонны характеризовать, какъ «идеалистическое».

Но вотъ другой случай: передъ вами очень дурной и вредный человѣкъ, котораго вы можете изобличить, что, конечно, причинить ему большія страданія. У васъ возникаетъ чувство непосредственнаго состраданія къ нему, но оно вытѣсняется затѣмъ чувствомъ состраданія ко всѣмъ многочисленнымъ жертвамъ этого человѣка, тѣмъ, которымъ онъ уже причинилъ вредъ и тѣмъ, которымъ онъ еще можетъ причинить его въ будущемъ. Изъ двухъ столкнувшихся чувствъ характеристику идеалистическаго здѣсь получаетъ уже не чувство непосредственнаго состраданія, а другое болѣе широкое въ смыслѣ социальности.

Человѣкъ жилъ до извѣстнаго момента исключительно для себя лично, не заботясь ни о комъ больше на свѣтѣ. Но вотъ онъ начинаетъ энергично работать для своей семьи, жертвуя своимъ здоровьемъ и своими удовольствіями. Вы находите, что его дѣятельность приобрѣла болѣе идеалистическій характеръ. Затѣмъ данное лицо начинаетъ ради интересовъ своей семьи жертвовать интересами своего отечества. Вы склонны признать, что это уже совсѣмъ не идеалистично, и что идеалистъ, конечно, пожертвовалъ бы интересами своей семьи интересамъ отечества. Однако, когда вы видите, что какой-нибудь Тамерланъ или Чэмберленъ ради возвеличенія своего отечества готовъ растоптать права и счастье всѣхъ остальныхъ народовъ, то вамъ кажется, что и это не особенно идеалистично, и что было бы идеалистичнѣе стремиться ко благу всего человѣчества.

Всѣ подобные случаи легко укладываются въ одно простое обобщеніе. Характеристика «идеализмъ» примѣняется тамъ, гдѣ

БІБЛІОТЕКА
Українського Інституту
МАРКСИЗМУ-ЛЕНІНИЗМУ

№

45383

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА

БІБЛІОТЕКА Х.Д.У.

Інв. №

12261

чувства, стремленія, дѣйствія людей направляются болѣе социальнo, гдѣ психическая активность развивается въ сторону болѣе высокой социализаціи. Но есть рядъ случаевъ, къ которымъ это обобщеніе, повидимому не подходитъ.

Человѣкъ жертвуетъ интересами многихъ людей ради «чести», «долга», «справедливости», и это признается идеализмомъ. Человѣкъ не удовлетворяется приблизительными и гипотетическими объясненіями тайнъ природы, а хочетъ знать «чистую истину»,—это тоже идеализмъ. Что общаго имѣютъ такіе примѣры съ предыдущими?

«Честь» представляетъ изъ себя выраженіе обязательныхъ отношеній, сложившихся въ какой нибудь группѣ, сословной или классовой. Эти обязательныя отношенія возникли путемъ развитія данной группы, путемъ ея борьбы за силу и счастье, и не имѣютъ иного содержанія, кромѣ стремленія сохранить и увеличить силу и счастье. Такъ, если «честь» требуетъ отъ феодала, чтобы онъ за оскорбленіе дрался на дуэли, то въ этомъ выражается историческая зависимость господства и благосостоянія феодаловъ отъ ихъ личной храбрости и жестокости по отношенію къ врагамъ. Если «честь» запрещаетъ феодалу жениться на плебейкѣ, то въ этомъ выражается историческая зависимость общественной силы феодаловъ отъ ихъ обособленности и сплоченности. Такимъ образомъ, «честь»—это фетишистическая форма, за которой скрываются интересы социальной группы, а идеализмъ чести, какъ и всякій другой, сводится къ социально-направленной активности людей. Понимаетъ ли самъ идеалистъ истинное содержаніе своихъ стремленій, или не можетъ разглядѣть его за фетишистической оболочкой, или наконецъ, просто не разсуждаетъ о немъ—это въ данномъ случаѣ, безразлично.

То же самое относится къ идеализму «абстрактнаго долга» «справедливости»; только здѣсь социальная основа идеализма гораздо шире, и за отвлеченнымъ фетишизированнымъ понятіемъ скрываются жизненные интересы обширнаго класса, или всего общества, или даже человѣчества (благодаря чему и могли

ло возникнуть представлѣніе, напр., Канта, объ абсолютномъ и общеобязательномъ характерѣ идеи «долга»). Кто отдаетъ жизнь свою во имя «долга», тотъ жертвуетъ ею не ради пустой абстракціи, но ради жизни и развитія своего социальнаго цѣлаго хотя бы это и сознавалось отчетливо или вовсе не сознавалось.

Но что, представляетъ изъ себя идеализмъ познанія, идеализмъ «чистой истины»? Характеристика «чистой истины» заключается въ ея общеобязательности: чистая истина должна дать познавательное удовлетвореніе всякому мыслящему существу. Истина вообще можетъ существовать только въ человѣческомъ мышленіи, и ея общеобязательность означаетъ необходимость ея господства не только въ индивидуальномъ мышленіи, но въ мышленіи всего человѣчества; и стремиться къ чистой истинѣ, это то же самое, что стремиться къ истинѣ для всѣхъ мыслящихъ существъ, для всего человѣчества въ его развитіи. Гораздо менѣе идеалистичнымъ признается стремленіе къ частной, практической истинѣ, напр., когда техникъ вычисляетъ предѣльную величину груза для даннаго парохода, или когда землемѣръ выясняетъ разстояніе двухъ деревень. Въ обоихъ случаяхъ люди ищутъ истины, но особеннаго идеализма мы тутъ не найдемъ, даже если бы изслѣдователи не имѣли въ виду никакихъ личныхъ интересовъ истина, которой они добиваются, можетъ имѣть отношеніе лишь къ ограниченному кругу людей.

Теперь мы можемъ съ опредѣленною формулировать свои выводы: *характеристика «идеализмъ» применяется къ проявленіямъ активной психической жизни; чувства, стремленія поступки признаются идеалистическими тѣмъ въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ болѣе социальны они направлены*).* Въ то же время характеристика эта всегда предполагаетъ дѣйствительное или только представляемое столкновеніе настроеній болѣе со-

*) Даже эстетическія эмоціи могутъ пріобрѣтать оттѣнокъ идеализма: но и въ нихъ, какъ выясняетъ Гюйо, этотъ оттѣнокъ выступаетъ лишь постолько, поскольку въ нихъ участвуютъ социальныя чувства и стремленія.

ціальныхъ съ менѣе социальными, при чемъ первыя побѣждаютъ. Гдѣ нѣтъ такого столкновенія чувствъ и стремленій различного порядка, тамъ терминъ «идеализмъ» вообще не примѣняется. Человѣкъ можетъ дѣйствовать на пользу многихъ миллионовъ людей, но если мы знаемъ, что для этого ему ничуть не приходится жертвовать ни своими интересами, ни интересами своихъ близкихъ, что, напротивъ, данный образъ дѣйствій, для него самый выгодный, даетъ ему большіе доходы, чины и т. д., то мы не бываемъ склонны распространяться объ «идеализмѣ» даннаго лица. Идеализмъ означаетъ побѣдоносную борьбу болѣе социальныхъ элементовъ психики съ менѣе социальными.

IV

Связующее звено между идеями «прогресса» и «идеализма» составляетъ понятіе «идеала». Его изслѣдованіе даетъ намъ возможность представить соотношеніе этихъ идей во всей его полнотѣ и опредѣленности.

Слово «идеаль» въ наше время нерѣдко примѣняется безъ разбора для обозначенія всего, къ чему человѣкъ стремится или о чемъ мечтаетъ. Нерѣдко приходится слышать такіа выраженія: «идеаль магометанина—загробная жизнь съ гуріями», «идеаль художника—безсмертная слава», и т. под. Съ такимъ неопредѣленнымъ понятіемъ намъ дѣлать нечего; насъ можетъ интересовать только болѣе строгое и точное понятіе «идеала», то, которое соотвѣтствуетъ основному значенію этого слова: «идеаль» въ смыслѣ *идеалистической цѣли*. Человѣкъ всегда стремится къ какому-нибудь благу; если онъ стремится сознательно, опредѣленнымъ образомъ представляетъ себѣ это благо, то оно является для него цѣлью; и если эта цѣль не лежитъ всецѣло въ рамкахъ чисто личной борьбы за жизнь и счастье, если человѣкъ стремится къ благу не для себя только, но для нѣкотораго болѣе широкаго цѣлаго, частью котораго онъ является,—то его цѣль можетъ быть названа «идеаломъ».

Соціальный характеръ цѣли сознается при этомъ не всег-

да: иногда маскируется различными фетишами, какъ это отчасти показано въ предыдущемъ: идеалистъ можетъ ставить своею цѣлью, напр., «чистую истину», или «чистое искусство», представляя эти вещи чѣмъ-то совсѣмъ отдѣльнымъ, совсѣмъ независящимъ отъ человѣческаго существованія; дѣло нисколько не измѣняется отъ того, что люди не всегда ясно понимаютъ сущность своихъ стремлений.

Итакъ идеалистъ всегда стремится къ благу не узко личному, къ социальному благу; и, конечно, достиженіе этого блага, которое онъ называетъ своимъ «идеаломъ», представляется ему, какъ «прогрессъ». Идеалистъ можетъ при этомъ ошибаться—идеаль его можетъ, въ дѣйствительности, быть реакціоннымъ, т. е. такимъ, что въ случаѣ своего осуществленія, онъ не повышаетъ, а понижаетъ полноту и гармонію жизни, но субъективно, для самаго идеалиста, идеаль необходимо долженъ быть прогрессивенъ, долженъ выражать *высшее*, чѣмъ то, что есть. Идеалы Де-Местра, Бональда, Шатобріана были реакціонны, ихъ проповѣдь стремилась возвратить человѣчество къ низшимъ формамъ существованія, но сами эти идеалисты были вполне убѣждены, что возвращеніе старыхъ авторитетовъ создало бы для людей жизнь несравненно болѣе гармоничную, а, можетъ быть, и болѣе полную, чѣмъ господство революціонныхъ принциповъ*)

*) Аскетическій идеаль заключается въ совершенной гармоніи жизни, достигаемой за счетъ ея полноты. Это, на первый взглядъ, противорѣчитъ нашему пониманію прогресса вообще (возрастаніе суммы жизни). Но, въ дѣйствительности, для аскета отнюдь не является полнотой жизни то, что мы обозначаемъ этимъ именемъ. Онъ съ болѣзненной чувствительностью воспринимаетъ жизненные противорѣчія, и возрастающая масса внѣшнихъ впечатлѣній означаетъ для него возрастающую сумму страданій. А страданіе есть отрицательная величина жизни, и если эта величина возрастаетъ, то сумма жизни уменьшается. Отказаться отъ «міра», это не значитъ для аскета — пожертвовать полнотой жизни, но напротивъ, уйти отъ мучительныхъ противорѣчій, подрывающихъ жизнь. Полнота жизни — это ея положительная величина, то, что называютъ «счастьемъ».

Вообще, идеаль, непрогрессивный съ точки зрѣнія своего носителя, есть плоское противорѣчіе. Если какой-нибудь идеалистъ призываетъ людей назадъ, къ прошлому, то онъ, стало быть, видитъ въ настоящемъ регрессъ, деградацію, и для него назадъ во времени означаетъ—впередъ по пути прогресса. Идеализмъ есть во всякомъ случаѣ *соціально-прогрессивное настроеніе*; а идеаль—та представляемая конкретная цѣль, къ которой это настроеніе влечетъ человѣка.

Если мы знаемъ, что соціально-прогрессивное настроеніе далеко не всегда выражается въ соціально-прогрессивной дѣятельности, если идеализмъ можетъ практически оказываться реакціоннымъ, то для насъ сама собою становится очевидной необходимость оцѣнки идеаловъ.

Вопросъ о прогрессивности идеаловъ, на первый взглядъ, рѣшается очень просто. Такъ какъ сущность прогресса заключается въ возрастаніи полноты и гармоніи сознательной жизни людей, то идеаль признается общественно-прогрессивнымъ, если его осуществленіе должно привести къ возрастанію полноты и гармоніи въ жизни общества. Но такое рѣшеніе было бы далеко недостаточнымъ.

Идеаль Беллами—будущее общество, изображенное въ его романѣ,—повидимому, соотвѣтствуетъ идеѣ «прогрессивности». Но прогрессъ остается прогрессомъ только до тѣхъ поръ, пока онъ совершается непрерывно, пока гармонія и полнота жизни продолжаютъ возрастать. Общество Беллами, общество, застывшее въ довольствѣ и самодовольствѣ, безмятежно почивающее на лаврахъ послѣ одержанныхъ предыдущими поколѣніями побѣдъ надъ природой соціальной и внѣшней,—такое общество не заключаетъ въ себѣ стимуловъ дальнѣйшаго развитія,—оно въ самомъ себѣ не прогрессивно. Поэтому утопія Беллами въ конечномъ анализѣ вовсе не есть прогрессивный идеаль, и современные идеалисты относятся къ ней съ отвращеніемъ, видя въ ней филистерскую каррикатуру собственныхъ идеаловъ.

Окончательное рѣшеніе вопроса о прогрессивности идеала зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ достиженіе этого идеала

создаетъ возможность дальнѣйшаго прогресса. «Вышимъ», наиболѣе прогрессивнымъ въ ряду частныхъ, конкретныхъ идеаловъ долженъ быть признанъ тотъ, который въ наибольшей мѣрѣ способенъ стать исходной точкой послѣдующаго развитія.

Эта точка зрѣнія приводитъ къ выводамъ, нѣсколько непривычнымъ для обыденнаго мышленія, которое склонно разграничивать идеалы «матеріальные» и «духовные», и считать первые низшими, а вторые—вышими.

Предположимъ, что какое-нибудь общество, классъ, группа живетъ въ такихъ матеріальныхъ условіяхъ, которыя чрезвычайно затрудняютъ всякій прогрессъ. Много труда, мало жизненныхъ средствъ—людямъ не остается ни времени, ни силъ для того, чтобы работать надъ своимъ развитіемъ—физическимъ, умственнымъ, нравственнымъ. Къ этимъ людямъ приходятъ два идеалиста и стараются внести въ ихъ сознаніе свои идеалы, которые весьма различны. Одинъ доказываетъ этимъ людямъ, что они совершенно погрязли въ матеріальныхъ заботахъ, что такое существованіе недостойно человѣка, и убѣждаетъ ихъ проникнуться вышими нравственными идеями, которыя имъ и излагаетъ. Другой выясняетъ имъ, насколько мало возможна для нихъ истинно человѣческая жизнь при данныхъ матеріальныхъ условіяхъ, и предлагаетъ имъ добиваться улучшеній въ своемъ матеріальномъ положеніи. Казалось бы, не можетъ быть и спора о томъ, что идеалы перваго настолько же высоки, насколько идеалы втораго низменны: у одного—развитіе нравственныхъ идей, у другаго—прибавка въ видѣ «пяточка» и т. д. А съ исторической точки зрѣнія оказывается совсѣмъ не такъ. Первый хочетъ, чтобы измученные, истомленные люди тратили остатки своей энергіи на нравственное самоусовершенствованіе; но если они сдѣлаютъ это, то гдѣ имъ взять силы для дальнѣйшаго прогресса? Второй ставитъ передъ ними такую цѣль, достиженіе которой освободитъ часть ихъ жизненной энергіи для послѣдующаго развитія жизни. Осуществленіе перваго идеала ведетъ къ застою, осуществленіе втораго открываетъ возможность непрерывнаго прогресса. Ясно, что второй

идеаль прогрессивнѣе, *исторически выше*, хотя это только «матеріальный» идеаль *).

Съ оцѣнкой прогрессивности идеаловъ неразрывно связана оцѣнка ихъ широты и глубины,—я бы сказалъ, ихъ идеалистичности.

Такъ какъ сущность идеализма заключается въ социальномъ характерѣ настроеній, то идеалистичнѣе тѣ идеалы, которые въ большей мѣрѣ социальны. Идеаль, не выходящій за предѣлы жизненныхъ отношеній ограниченной группы людей, въ этомъ смыслѣ, ниже, чѣмъ идеаль, содержаніе котораго захватываетъ жизнь цѣлаго класса; а идеаль узко-классовый ниже, чѣмъ тотъ, который обнимаетъ жизнь всего общества. Таковы различія въ «широтѣ» идеаловъ **).

Далѣе, люди склонны признавать въ большей мѣрѣ идеалистическими тѣ идеалы, которые отстоятъ дальше отъ настоящаго, отъ непосредственной дѣйствительности. И это вполне

*) Въ ст. г. Бердяева „Борьба за идеализмъ“ (М. Б. 1901, VI) можно констатировать чуждое всякаго анализа, основанное, по видимому, на обычныхъ предразсудкахъ, презрительное отношеніе къ „матеріальнымъ“ идеаламъ съ точки зрѣнія „духовныхъ“ („пятикопѣчные улучшения“ и т. под.). А между тѣмъ, г. Бердяеву извѣстно, что наиболѣе прогрессивные идеалисты нашего времени вполне сознательно ставятъ своей *основной* (но, конечно, не исключительной) цѣлью такое, по понятіямъ г. Бердяева, „матеріальное“ измѣненіе жизни общества, какъ реорганизацію производства.

**) Говоря объ идеалахъ узко-групповыхъ, узко-классовыхъ, все-социальныхъ, мы здѣсь имѣемъ въ виду только содержаніе самихъ идеаловъ, совсѣмъ не касаясь пока вопроса о томъ, *кто* является ихъ носителемъ. Идеаль, въ этомъ смыслѣ, „классовый“, т. е. заключающій въ себѣ стремленіе преобразовать жизнь цѣлаго класса, можетъ быть выставленъ незначительной группой людей или отдѣльнымъ человекомъ; идеаль все-социальный можетъ опираться на стремленія отдѣльнаго класса, если развитіе этого класса направлено къ преобразованію всей общественной жизни въ ея цѣломъ. Эта оговорка необходима потому, что обыкновенно выраженіе „классовые идеалы“ употребляютъ, чтобы обозначить идеалы *отдѣленнаго класса*, независимо отъ ихъ содержанія.

понятно. Человѣкъ сознательно борется за такой идеалъ, полная реализація котораго представляется ему возможной только для отдаленныхъ потомковъ; это значить, что идеалистическія стремленія связываютъ данное лицо съ цѣлымъ рядомъ общественныхъ поколѣній, и тѣхъ, которые продолжаютъ его борьбу за идеалъ, и тѣхъ, которымъ на долю достанется счастье воспользоваться плодами всей борьбы. Такое настроеніе наиболее идеалистично, потому что оно наиболее социальное; въ немъ выражается социальная связь всего общества въ его преемственномъ развитіи. Не глубоко тотъ идеализмъ, для котораго всѣ задачи исчерпываются жизнью одного поколѣнія.

Оцѣнка идеалистичности и прогрессивности идеаловъ еще далеко не рѣшаетъ вопроса объ оцѣнкѣ идеалистической дѣятельности, направленной къ ихъ осуществленію. Самые высокіе идеалы много разъ на памяти человѣчества приводили къ общественно-бесплодной, или даже вредной дѣятельности, потому что они были *неосуществимы*.

Исслѣдованіе осуществимости идеаловъ получаетъ смыслъ и становится возможнымъ только тогда, когда возникаетъ убѣжденіе въ строгой закономѣрности процессовъ общественной жизни, въ ихъ обусловленности. Такое убѣжденіе въ наше время стало уже, несомнѣнно, господствующимъ, и самая постановка вопроса объ осуществимости идеаловъ почти не встрѣчаетъ болѣе протеста. Но этимъ еще ничего не сказано о способѣ изслѣдованія вопроса.

Здѣсь мы вступаемъ въ сферу борьбы взаимно исключаящихъ другъ друга социологическихъ ученій. Необходимъ выборъ между ними: то, что кажется вполне осуществимымъ при одномъ пониманіи закономірности общественной жизни, должно быть признано неосуществимымъ при другомъ. Къ счастью, выборъ не особенно труденъ. Изъ всего ряда современныхъ общественно-научныхъ теорій, одна рѣзко выдѣляется своимъ положительнымъ характеромъ, своей опредѣленностью, и, что всего важнѣе, соответствіемъ своихъ выводовъ съ наблюдаемой дѣйствительностью. Принципы историческаго монизма не только

даютъ возможность съ наибольшей ясностью и убѣдительностью представить связь явленій прошлой жизни общества; принципы эти не разъ примѣнялись для сужденія о вѣроятной судьбѣ и социальномъ значеніи различныхъ возникающихъ или развивающихся общественныхъ теченій, и послѣдующій опытъ оправдывалъ эти сужденія. А возможность предсказать есть наиболѣе убѣдительное доказательство научной истины.

Историческій монизмъ даетъ методы для самаго полного выясненія вопроса объ историческихъ судьбахъ тѣхъ или иныхъ идеаловъ. Онъ указываетъ путь для изслѣдованія того, откуда произошелъ данный идеалъ, какія общественныя силы за нимъ стоятъ, слѣдуетъ ли ожидать развитія и возрастанія этихъ силъ, или упадка и деградации, гдѣ лежатъ предѣлы ихъ возможнаго вліянія въ исторически данной обстановкѣ... Вопросъ объ осуществимости идеала рѣшается вмѣстѣ съ вопросомъ о возможныхъ способахъ его осуществленія. Получается надежный критерій для сужденія о томъ, насколько производительна должна въ конечномъ счетѣ оказаться идеалистическая дѣятельность въ данной конкретной ея формѣ.

V.

До сихъ поръ наше изслѣдованіе идеи прогресса было направлено къ тому, чтобы установить ея *объективное содержаніе*. При этомъ мы уже касались той субъективной окраски, которую оно получаетъ, благодаря односторонности развитія многихъ людей, и которая порождаетъ разногласія, когда дѣло идетъ о прогрессивномъ характерѣ совершающихся измѣненій. Теперь мы переходимъ къ иному болѣе глубокому субъективизму, возникающему изъ самаго *способа мышленія* людей, и затемняющему идею прогресса въ ея *основномъ содержаніи*.

Въ своей сознательной прогрессивной дѣятельности человекъ, чтобы дѣйствовать съ опредѣленностью и увѣренностью, постоянно долженъ имѣть въ виду опредѣленную, конкретно представляемую цѣль, которую, какъ мы знаемъ, онъ называ-

еть своимъ «идеаломъ». Такимъ образомъ, идеаль непосредственно руководить прогрессивной дѣятельностью, и самъ идеалистъ настолько привыкаетъ въ этой дѣятельности сосредоточивать свое вниманіе на идеаль, что самый прогрессъ представляется ему, какъ *приближеніе къ идеалу*.

Таково субъективное пониманіе идеи прогресса. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, оно совершенно скрываетъ за собою ея дѣйствительное, объективное содержаніе. Особенно неизбѣжнымъ является такое затемненіе идеи при господствѣ *статистики* въ познаніи. Статическое мышленіе характеризуется тѣмъ, что ему чужда идея развитія, что оно ищетъ въ явленіяхъ природы только неподвижныхъ, неизмѣнныхъ сущностей, что оно находитъ удовлетвореніе только въ *безусловномъ**). Встрѣчаясь съ явленіями прогресса, оно не можетъ представить ихъ исторически, какъ непрерывный процессъ, безъ начала и конца, потому что въ такомъ представленіи оно не находитъ, на чемъ остановиться. Оно ищетъ и здѣсь устойчивой, неподвижной точки опоры; такой точкой опоры служить конкретно представляемый идеаль. Является возможность всякій шагъ на пути прогресса поставить въ зависимость отъ идеала а онъ самъ уже ни отъ чего не зависить, и выступаетъ какъ нѣчто безусловное, неизмѣнное, на чемъ можетъ успокоиться статическое мышленіе, подобно мореплавателю, достигшему твердой земли. Оно не задается вопросомъ, куда же идти дальше, когда идеаль достигнутъ; такъ какъ само оно сложилось на основѣ застойныхъ формъ жизни, то оно не находитъ ничего страннаго въ остановкѣ прогресса, когда онъ дошелъ до «ко-

*) Здѣсь мы беремъ статическое мышленіе просто, какъ данный фактъ, не входя въ его ближайшее изслѣдованіе и не касаясь вопросовъ ни объ его происхожденіи, ни объ его историческомъ значеніи. Въ своей работѣ «Познаніе съ историч. точки зрѣнія», Спб., 1901, мы старались, между прочимъ, выяснить, что статическое мышленіе является необходимымъ приспособленіемъ къ опредѣленнымъ формамъ общественной жизни, къ опредѣленному типу общественнаго труда.

нечной цѣли». Статическій складъ ума находитъ полное удовлетвореніе въ идеѣ, что движеніе существуетъ ради неподвижнаго, прогрессъ—ради идеала.

Объективное и субъективное пониманіе прогресса расходятся настолько, что ихъ можно было бы считать совершенно несоизмѣримыми. Первое исторично; оно даетъ идею о непрерывномъ, безграничномъ прогрессѣ, потому что нельзя себѣ представить такого возрастанія полноты и гармоніи жизни, за которымъ не могло бы послѣдовать новое возрастаніе. Второе пониманіе, какъ мы видѣли, статично; оно даетъ идею ограниченнаго прогресса, потому что приближеніе къ идеалу оканчивается съ его достиженіемъ. Первое имѣетъ безусловно положительный характеръ: для него прогрессъ означаетъ благо само по себѣ. Второе придаетъ понятію прогресса скорѣе отрицательный оттънокъ, приближеніе къ идеалу означаетъ, собственно, только *уменьшеніе разстоянія* между «сущимъ» и «должнымъ»; благомъ является здѣсь идеалъ, «должное», а не самый прогрессъ.

Несмотря на такія существенныя различія, объективное и субъективное пониманіе прогресса въ массѣ случаевъ могутъ практически совпадать: если идеалъ дѣйствительно прогрессивенъ, то и приближеніе къ нему есть, очевидно, дѣйствительный прогрессъ; и пока идеалъ не достигнутъ, практически совершенно не важно, насколько ясно оцѣниваетъ его идеалистъ: сознаетъ ли онъ, что этотъ идеалъ есть только частное выраженіе исторической тенденціи развитія, или придаетъ ему безусловное значеніе. Послѣдній способъ пониманія имѣетъ даже извѣстныя преимущества: человѣкъ, который мыслитъ конкретно, у котораго въ сознаніи преобладаютъ образы, рѣзко выдѣляющіеся, опредѣленные, устойчивые—такой человѣкъ гораздо больше можетъ увлечься яркимъ представленіемъ одной неизмѣнной «конечной цѣли», чѣмъ идеей непрерывнаго перехода отъ однихъ идеаловъ къ другимъ, болѣе высокимъ.

Но при извѣстныхъ условіяхъ субъективное пониманіе прогресса необходимо сталкивается съ объективнымъ. Идеалъ нерѣдко оказывается въ дѣйствительности реакціоннымъ; а иде-

алисть все, въ чемъ видить приближеніе къ нему, считаетъ за прогрессъ; такъ случается очень часто съ идеалами отживающихъ классовъ, и по такому способу, напр., въ нашей русской литературѣ не разъ идеализировались худшія формы экономическаго угнетенія. Идеалъ вполне прогрессивный можетъ быть, наконецъ, достигнуть, и тогда вчерашній прогрессивный дѣятель становится врагомъ всякаго дальнѣйшаго движенія, потому что оно должно непременно оказаться удаленіемъ отъ достигнутаго идеала, т. е. «регрессомъ»; приблизительно такъ случилось, напр., со многими представителями либерализма въ современной Франціи.

Тѣ классы, для которыхъ возможность развитія не ограничена узкими рамками, доступными ихъ зрѣнію, необходимо работаютъ для себя съ теченіемъ времени историческое, объективное пониманіе прогресса. Это сказывается и на самомъ способѣ представленія идеаловъ: ихъ историчность не только сознается, но нерѣдко и выступаетъ отчетливо въ самой ихъ формулировкѣ. Таковъ идеалъ, выраженный однимъ выдающимся европейскимъ мыслителемъ въ словахъ: всеобщая кооперация для всеобщаго развитія.

VI.

Чѣмъ шире становится поле историческаго опыта людей, тѣмъ съ большей очевидностью и необходимостью выступаетъ въ ихъ сознаніи идея непрерывнаго безграничнаго прогресса. Статическому мышленію эта идея безусловно противорѣчить, такъ какъ оно въ ней не находитъ точки опоры, безъ которой не можетъ обойтись — представленія о неподвижномъ, неизмѣнномъ. Но статическое мышленіе не можетъ признать себя несостоятельнымъ, отступить безъ борьбы: типы мышленія вообще представляютъ изъ себя наиболѣе консервативную сторону человѣческой психики, а въ частности, статика обладаетъ особенной живучестью и держится еще долго послѣ того, какъ исчезли ея жизненныя основы. Она приспособляется къ неиз-

бѣжному и создаетъ новыя формы, въ которыхъ пытается совмѣстить несовмѣстимое: идею непрерывнаго движенія съ идеей неподвижнаго.

Какимъ же образомъ соединить безграничность прогресса съ представленіемъ, что прогрессъ есть приближеніе къ идеалу? Для этого надо удалить идеалъ на безконечное разстояніе, сдѣлать его недостижимымъ. На мѣсто конечныхъ, частныхъ идеаловъ выступаютъ идеалы всеобщіе и безконечные: абсолютное совершенство въ видѣ, напр., абсолютнаго добра, истины и красоты. Къ этимъ абсолютамъ направленъ всякій прогрессъ; всякій шагъ его есть приближеніе къ нимъ: но оно никогда не можетъ завершиться, потому что разстояніе безконечно, абсолюты недостижимы.

Когда эта идея становится основой міровоззрѣнія, то весь міровой процессъ разсматривается теологически, какъ вѣчное движеніе къ вѣчнымъ цѣлямъ. Но такое представленіе не имѣетъ ничего общаго съ обычной, практической телеологіей людей: дѣло идетъ совсѣмъ не о частныхъ, относительныхъ, субъективныхъ цѣляхъ, какія ставятъ себѣ люди. Цѣли мірового процесса—это всеобщія, абсолютныя, надчеловѣческія и въ то же время объективно, а не только въ сознаніи отдѣльныхъ людей, существующія цѣли. Онѣ непрерывно осуществляются въ большей и большей мѣрѣ, но ихъ полная реализація не мыслима ни въ какое время, ни въ какомъ мѣстѣ: онѣ лежатъ внѣ пространства и времени. Только по отношенію къ «вѣчнымъ цѣлностямъ» получаютъ значеніе всякія «временныя цѣлности»; все относительное, въ томъ числѣ и прогрессъ, получаетъ цѣну только по своему отношенію къ этимъ абсолютнымъ благамъ *).

Если слова служатъ для выраженія понятій, то какое же понятіе скрывается за словами «абсолютная цѣль»?

*) Большая часть выраженій, въ какихъ здѣсь характеризуется «абсолютная теорія прогресса, взяты мною изъ упомянутой въ предыдущемъ, статьи г. Бердяева «Борьба за идеализмъ».

Содержаніе понятій образуется изъ представленій; но, очевидно, что никакія конкретныя представленія частныхъ цѣлей не могутъ дать матеріала для «абсолютной цѣли». Всякая представляемая частная цѣль относительна, а для абсолютнаго первою характеристикой является противоположность относительному. Всякое представляемое содержаніе цѣлей конечно, а для абсолютныхъ цѣлей никакое конечное содержаніе не мыслимо. Всякія представляемыя цѣли принадлежать психикѣ опредѣленныхъ сознательныхъ существъ, а цѣли абсолютныя принадлежать міровому процессу въ его цѣломъ, которое не дано намъ ни въ воспріятіи, ни въ представленіи.

Вообще, если понятіе представляетъ абстракцію, содержаніе которой возникаетъ изъ фактовъ человѣческаго опыта, то для понятія абсолютныхъ цѣлей невозможно найти никакого содержанія: въ сферѣ человѣческаго опыта нѣтъ мѣста ничему абсолютному, тамъ все относительно. Абсолютныя цѣли—это *абстракція отъ несуществующаго опыта*, это слово, за которымъ не скрывается никакого познавательнаго содержанія. Но не такимъ выступаетъ оно въ психикѣ людей, которые признають его цѣнность для мышленія.

На мѣсто опредѣленнаго, ясно мыслимаго содержанія, для пустой абстракціи создается неопредѣленное и неясное. Матеріаломъ для него служатъ представленія психологически близкія, но не соответствующія собственному смыслу абстракціи. Такъ, представленія частныхъ, относительныхъ истинъ, смѣшиваясь и расплываясь въ сознаніи, образуютъ фиктивно, воображаемое содержаніе для идеи абсолютной истины. А когда съ этимъ соединяется интенсивное, пріятное, возвышенное настроеніе, то не остается мѣста сомнѣнію въ реальности абсолютнаго: пустая абстракція одѣвается плотью и кровью, становясь предметомъ вѣры.

Чѣмъ чаще повторяется данное психическое состояніе, чѣмъ болѣе привычнымъ оно становится, тѣмъ большую субъективную достовѣрность пріобрѣтаетъ его содержаніе. Именно такимъ путемъ различныя порожденія фантазіи пріобрѣтають въ

психикѣ людей характеръ величайшей, непосредственной очевидности. Выступая въ переживаніяхъ тысячи и миллионы разъ, многіе предметы вѣры достигаютъ несравненно большей несомнѣнности, чѣмъ наиболѣе установленныя истины опытнаго знанія.

Массу примѣровъ такого рода можно найти въ исторіи мистическихъ и метафизическихъ воззрѣній; и по этому же способу развивается субъективная достовѣрность «абсолютныхъ цѣлей». Вѣра въ нихъ становится непреложнымъ убѣжденіемъ, а вызываемое представленіемъ о нихъ чувство превращается въ страстное поклоненіе. Тогда противъ нихъ безсильна всякая логика.

Такъ изъ идеаловъ создаются идолы. Подъ грубой матеріальной оболочкой уродливаго идола дикарь-фетишистъ воображаетъ божественное содержаніе, которому онъ и поклоняется; но въ идолѣ нѣтъ божества, нѣтъ ничего, кромѣ матеріи. Современный фетишистъ подъ тонкой, воздушной оболочкой прекрасныхъ словъ воображаетъ абсолютно-идеальное содержаніе и также поклоняется ему; но въ пустыхъ абстракціяхъ нѣтъ абсолютной идеи, нѣтъ иной реальности, кромѣ словъ.

VII.

Если мы правильно поняли происхожденіе идолистической теоріи прогресса, если она дѣйствительно возникаетъ изъ стремленія совмѣстить несовмѣстимое—идею непрерывнаго движенія съ идеей неподвижнаго,—то самая эта теорія должна оказаться противорѣчивой: противорѣчіе въ основѣ необходимо порождаетъ противорѣчія въ выводахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое прогрессъ въ его идолистическомъ пониманіи? Приближеніе къ абсолютизму, уменьшеніе разстоянія между «сущимъ» и «должнымъ». А какъ велико разстояніе? Оно безконечно, и всегда останется безконечнымъ. Что же это значить?

Безконечное разстояніе есть такое, при которомъ дѣйствительное приближеніе немислимо, при которомъ никакое конечное движеніе не можетъ стать «приближеніемъ» *).

То, что лежитъ на безконечномъ разстояніи, лежитъ *вне разстояній*, такъ что по отношенію къ абсолютному слову «приближеніе» вообще не имѣетъ никакого смысла. И сами иделисты признаютъ, что «вѣчныя цѣнности» существуютъ внѣ пространства и времени, и что понятіе количества къ нимъ непримѣнимо; а понятіе «приближенія» имѣетъ *исключительно* количественное, пространственное, временное значеніе. Такимъ образомъ, соединеніе этого понятія съ идеей «абсолютизма» логически сводится къ плоскому противорѣчію.

Неизбѣжный выводъ таковъ: если абсолютное лежитъ внѣ разстояній, и никакое реальное приближеніе къ нему невозможно, то «прогрессъ» есть чистѣйшая *иллюзія*, это бѣгъ на мѣстѣ, а не движеніе впередъ. Если иделистъ продолжаетъ вѣрить въ прогрессъ, то онъ дѣлаетъ это, несомнѣнно, за счетъ логики. Тутъ нѣтъ ничего страннаго: какъ только люди начинаютъ понятія, образованныя на основѣ дѣйствительнаго опыта, примѣнять за предѣлами всякаго возможнаго опыта, они уже тѣмъ самымъ освобождаютъ себя изъ-подъ власти логики.

Эта эмансипація находится въ тѣсной связи со своеобразнымъ *дуализмомъ познанія*, который неизбеженъ при всякихъ иделистическихъ воззрѣніяхъ. Такъ какъ относительное и абсолютное, *по существу*, различны между собою, то для нихъ признается два существенно различныхъ типа познанія; познаніе относительнаго называется обыкновенно научнымъ, абсолютнаго—метафизическимъ. Иногда эти два типа познанія

*) Въ математикѣ, равенство двухъ безконечно-большихъ величинъ не измѣняется, если къ нимъ прибавить или отъ нихъ отнять *неравныя конечныя*. Это возможно, разумѣется, только потому, что математическая ∞ , какъ и 0, есть символъ съ отрицательнымъ значеніемъ, а вовсе не реальная величина, такъ что законы величинъ къ ней непримѣнимы. Такіе символы существуютъ не въ одной математикѣ.

противополагаются подъ именемъ «разсудка» и «разума», иногда, и это болѣе соответствуетъ сущности дѣла, говорятъ, съ одной стороны, о простомъ познаніи, съ другой—о мистическомъ созерцаніи и т. д. Въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, второй типъ познанія сводится къ вѣрѣ.

Такъ или иначе, рѣзкій дуализмъ разсудка и разума ничуть не въ большей степени понятенъ и законенъ съ точки зрѣнія современнаго научнаго мышленія, чѣмъ дуализмъ духа и матеріи; трудно сказать, какой изъ нихъ въ большей мѣрѣ противорѣчитъ всякой возможной цѣльности міровоззрѣнія. Опровергнуть дуализмъ познанія нельзя, потому что доказательства для этого не имѣютъ значенія; отрицая единство познанія, онъ заранѣе устраняетъ необходимую основу для всякихъ доказательствъ: аргументы изъ научнаго познанія онъ признаетъ не имѣющими силы для познанія сверхнаучнаго.

Истинный смыслъ этого дуализма, и вообще идолистическихъ воззрѣній, до извѣстной степени, освѣщается, если мы обратимъ вниманіе на его связь съ уметвеннымъ аристократизмомъ. Такъ какъ абсолютное и относительное познаніе различаются не количественно, а по существу, то человѣкъ, стоящій на точкѣ зрѣнія абсолютнаго познанія, не можетъ смотрѣть на людей относительнаго иначе, какъ на низшія существа: въ лучшемъ случаѣ съ величественной снисходительностью истинно развитою человѣка къ недоразвившимся эмбрионамъ, въ худшемъ съ леденящимъ презрѣніемъ феодала мысли къ ничтожной черни *).

*) Приблизительно въ такомъ тонѣ бесѣдуетъ г-нъ Бердяевъ объ эволюціонистахъ, позитивистахъ и т. д. — Еще 70 лѣтъ тому назадъ Искандеръ писалъ: «... Идеализмъ (т. е. *идолизмъ*. А. Б.) всегда имѣлъ въ себѣ нѣчто невыносимо дерзкое: человѣкъ, увѣрившійся въ томъ, что все временное не заслуживаетъ его вниманія, дѣлается гордъ, беспощаденъ въ своей односторонности и совершенно недоступенъ истинѣ. Идеализмъ высокомерно думалъ, что ему стоитъ сказать какую-нибудь презрительную фразу объ эмпириі, и она разсѣется какъ прахъ. Вышнія натуры метафизиковъ ошиблись...». Такъ и кажется, что это написано только сейчасъ.

VIII.

Теперь можно подвести итоги. Мы старались въ предыдущемъ выяснить съ исторической точки зрѣнія положительное содержаніе и взаимную связь идей «прогресса», «идеализма», «идеала». Мы нашли, что прогрессъ означаетъ возрастаніе полноты и гармоніи сознательной человѣческой жизни, что идеализмъ выражаетъ побѣду въ душѣ человѣка настроеній болѣе социальныхъ надъ менѣе социальными, что прогрессивный идеалъ есть отраженіе общественно-прогрессивной тенденціи въ идеалистической психикѣ. Мы признали, что таково единственно возможное объясненіе этихъ идей.

Попутно мы изложили критику идеалистическаго пониманія тѣхъ же идей. Было выяснено, что это пониманіе страдаетъ глубокими, безыходными внутренними противорѣчіями, что оно логически нежизнеспособно.

Но здѣсь мы сталкиваемся съ тѣмъ взглядомъ, который выражень поэтѣмъ въ словахъ: «Тмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ». Пусть даже—скажутъ намъ—идолизмъ нелогиченъ; но онъ одинъ высоко держитъ знамя идеала. Для него идеалъ—неприкосновенная святыня; а вы съ вашимъ анализомъ стремитесь разложить его, сводите высшее къ низшему, унижаете вѣчныя цѣнности, подрываете основу идеализма—страстное поклоненіе абсолютнымъ идеаламъ. Идеи добра, истины, красоты теряютъ абсолютное значеніе, и самый прогрессъ превращается въ иллюзію. Все это, дѣйствительно, говорится въ наше время; и защитники идолизма, называющіе его теоретическимъ идеализмомъ, находятъ, что онъ одинъ можетъ дать философскую основу для идеализма практическаго *).

*) Г. Бердяевъ въ цитированной выше статьѣ говоритъ даже гораздо больше этого. Онъ утверждаетъ, что эволюционисты при помощи ссылки на нравственные идеалы рыбъ и миллюсковъ доказываютъ иллюзорность человѣческихъ идеаловъ (стр. 13). Не знаю, какъ это назвать: въ лучшемъ случаѣ—плохая шутка, въ худшемъ

Здѣсь прежде всего надо поставить вопросъ: съ какихъ поръ объяснить значить—унизить? Почему научно понять содержаніе идеализма значить—сдѣлать его иллюзіей? Развѣ дарвинизмъ унизилъ человѣческое достоинство ученіемъ о происхожденіи человѣка? Сдѣлалась ли теплота иллюзіей, благодаря механической теоріи теплоты? Сталъ ли солнечный свѣтъ прозрачнымъ, благодаря теоріи волнообразнаго колебанія эѳира? Вышее не станетъ менѣе высокимъ оттого, что развилось изъ низшаго, и реальное не станетъ менѣе реальнымъ оттого, что сведено къ болѣе простымъ реальностямъ.

Эволюціонизмъ, конечно, не можетъ никому навязать идеаловъ, потому что идеализмъ — дѣло чувства, а не познанія. Но, какъ всякое ясное познаніе, эволюціонизмъ даетъ прочную, надежную опору для идеалистической дѣятельности. Онъ указываетъ путь для оцѣнки прогрессивности и осуществимости идеаловъ и для выясненія способовъ ихъ осуществленія. Правда, отъ этого выигрываютъ только прогрессивные и осуществимые идеалы, а не реакціонные и утопическіе; но объ этомъ жалѣть не приходится.

Не таковъ идолизмъ. Онъ не можетъ указать способовъ выяснить, осуществимы ли данные идеалы, и какимъ путемъ

—незнакомство съ предметомъ; во всякомъ случаѣ—невѣрное описаніе. Впрочемъ, такихъ невѣрныхъ описаній у г. Бердяева найдетъ еще не мало, и они касаются довольно важныхъ вещей. Таково, напр., утвержденіе, что идеалы «учениковъ» узко-материалистичны, «буржуазны», т. е. что для нихъ вся сущность прогресса сводится къ чисто-материальнымъ улучшеніямъ. Гдѣ это вычиталъ г. Бердяевъ, на какомъ основаніи онъ говоритъ такъ о людяхъ, вся дѣятельность которыхъ является идеологической? Далѣе, представляя *Zusammenbruchstheorie* въ той грубо-утопической формѣ, въ какой ее изложилъ Бернштейнъ, г. Бердяевъ называетъ ее «попыткой эволюціонно-научнаго обоснованія идеализма» (стр. 17), и пытается ставить ее на счетъ эволюціонизма, между тѣмъ, извѣстно, что такое утопическое пониманіе этой теоріи подвергалось критикѣ именно какъ не-эволюціонное, какъ рѣзко противорѣчащее исторической точкѣ зрѣнія. Неужели все это—полемическіе приемы?

ихъ осуществить, да и не считаетъ этого своей задачей. Онъ не можетъ также дать убѣдительнаго и яснаго критерія прогрессивности идеаловъ: вѣдь прогрессъ опредѣляется приближеніемъ къ абсолютному, а оно не подлежитъ точному опредѣленію, потому что не можетъ быть выяснено словами. Такимъ образомъ, если одинъ человѣкъ будетъ утверждать, что его дѣятельность прогрессивна, потому что она приближаетъ насъ къ абсолютному добру, истинѣ и красотѣ, — а другой будетъ противоположнаго мнѣнія, то ни о какихъ доказательствахъ или опроверженіяхъ не можетъ быть и рѣчи: оба могутъ ссылаться только на свое непосредственное убѣжденіе, т. е. на свою вѣру. Здѣсь открывается полный просторъ произволу; безсодержательное понятіе абсолютнаго каждый наполняетъ наиболѣе подходящимъ для себя содержаніемъ; съ абсолютнымъ добромъ, истиной и красотой всякій консервативный или реакціонный классъ можетъ уладить свои дѣла ничуть не хуже, чѣмъ буржуазія и буржуазные политики — съ идеями свободы и равенства.

Рано или поздно, логика должна вступить въ свои права и тогда идолъ принужденъ придти къ выводу, что его идеализмъ безплоденъ, потому что идеаль всегда остается въ безконечности. Результатъ неутѣшительный, и мало полезный для идеалистической дѣятельности! Тогда только ясное, эволюціонное познаніе истинной природы прогресса можетъ спасти идеалиста отъ отчаянія, но сроднившись съ идеей абсолютнаго, онъ не можетъ легко оставить ее; ему трудно понять, что идеалы красоты, истины, добра непрерывно осуществляются каждымъ шагомъ впередъ на пути возрастанія полноты и гармоніи жизни во взаимныхъ отношеніяхъ людей, въ ихъ познаніи, въ ихъ воспріятіи природы. И чѣмъ менѣе онъ будетъ способенъ понимать все это, тѣмъ тягостнѣе и опаснѣе окажется кризисъ.

Такъ идоллизмъ подготавливаетъ идеалисту ненужную внутреннюю борьбу, бесполезныя страданія. Вотъ почему въ борьбѣ за идеализмъ необходимымъ моментомъ является — борьба противъ идоллизма.